

Глава XLVII. НАРОДНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ЗАЕМ

Тем, кто еще сомневается, чтобы революция была поставлена в необходимость исключить из Конвента главных руководителей Жиронды, достаточно будет, чтобы убедиться в этой необходимости, окинуть взглядом законодательную работу, совершенную Конвентом тотчас же после того, как сопротивление его правой было надломлено.

Принудительный заем у богатых на нужды войны; назначение максимальных цен для главных жизненных припасов; возвращение общинам всех мирских земель, отнятых у них со времени указа 1669 г.; уничтожение, окончательное и без выкупа, феодальных прав; законы о наследовании с целью раздробления состояний, накапливаемых в одних руках; демократическая конституция 1793г. — все эти меры быстро последовали одна за другой, как только сопротивление правых было ослаблено исключением 31 жирондистского депутата.

Период, начинающийся 31 мая 1793 г. и продолжающийся до 27 июля 1794 (т. е. до 9 термидора II года республики), представляет собой самый важный период революции. Великие изменения, которые только наметило в принципе Учредительное собрание в ночь 4 августа 1789 г., осуществляются наконец после четырехлетнего сопротивления обновленным Конвентом. При этом народ — санкюлоты, как тогда выражались, — не только заставляет Конвент провести ряд коренных революционных мер, он же приводит их в исполнение на местах при помощи народных обществ, к которым обращаются комиссары Конвента, когда им приходится создавать в городах и деревнях революционную исполнительную власть.

Голод еще продолжается в течение этого периода, и война, которую республике приходится вести против Англии, блокирующей все порты Франции, и против прусского короля, австрийского императора и королей сардинского и испанского, принимает ужасающие размеры. Тягости, налагаемые войной на население, так велики, что их трудно даже себе представить, если не приглядеться к мелким подробностям, встречающимся в документах того времени и рисующим бедность и разорение, до которых доведена была Франция. В этих условиях, поистине трагических, когда во всем чувствуется недостаток: в хлебе, в обуви, в перевозочных средствах, в железе, свинце, меди, селитре и т. д. — и когда ничего нельзя ввозить во Францию ни сухим путем, сквозь кольцо из 400 тыс. солдат, брошенных на Францию союзниками, ни морем, сквозь цепь английских кораблей, поддерживающих

блокаду, — в этих условиях бьются санкюлоты, чтобы спасти погибающую республику.

Тем временем все те, кто стоит за старый порядок, все, занимавшие некогда привилегированное положение, все, надеющиеся вернуть себе свои привилегированные места или создать себе новые привилегии, как только вернется монархия, т. е. духовенство, дворяне, буржуазия, обогатившаяся через революцию, — все в заговоре против республики. Те, кто остается верен ей, вынуждены биться между кольцом иностранных штыков и пушек, с одной стороны, и внутренними заговорами, старающимися поразить их изподтишка, сзади.

Видя это, санкюлоты стараются достичь одного: сделать так, чтобы ко времени возвращения реакции создалась уже новая, перерожденная Франция: крестьяне — уже овладевшие землей; городские рабочие — уже свыкшиеся с равенством и демократией; аристократия и духовенство — уже лишенные владений, составлявших действительную их силу, а их имения — уже в руках тысяч новых владельцев, разбитые на части, совершенно неузнаваемые в новой обработке, так что их почти уже невозможно восстановить в прежнем виде.

Истинная история этих 14 месяцев, с июня 1793 по конец июля 1794 г., никогда еще не была написана. Документы, чтобы написать ее, существуют в провинциальных архивах, в отчетах и письмах комиссаров Конвента, в протоколах городских и сельских муниципалитетов, народных обществ и т. д. Но они еще не были изучены так, как были изучены законодательные акты революции; а между тем следовало бы поторопиться, так как они быстро исчезают. Конечно, на это потребуется целая жизнь нескольких историков; но без этой работы история Великой революции останется незаконченной*.

*Недавно еще сколько ценных документов было уничтожено в Клерво. Мы находили остатки их в 1884—1886 гг., равно как и некоторые остатки библиотеки некоего Pelarín, проданные местным лавочникам на оберточную бумагу.

Больше всего в этом периоде изучали террор. Но сущность этих 14 месяцев вовсе не в терроре, а в обширнейшем дроблении земельной собственности, в земельном перевороте, в демократизации страны и, наконец, в отречении значительной части Франции от христианства. Рассказать эту обширную работу, со всей борьбой, вызванной ею на местах, будет делом будущих историков. Все, что мы теперь можем сделать, — это только указать на некоторые выдающиеся черты этого бурного времени.

Первой действительно революционной мерой, принятой после 31 мая, был принудительный заем у богатых на покрытие военных издержек. Положение казначейства было самое жалкое. Война требовала громадных расходов, а ассигнации, выпущенные в больших количествах, уже падали в цене. Новые налоги, если их наложить на массу населения, ничего не могли бы дать. Оставалось, следовательно, одно — налагать подати на богатых. И мысль о насильственном займе в 1 млрд. ливров — мысль, между прочим высказанная уже во время министерства Неккера, в самом начале революции, назревала в умах.

Когда мы читаем теперь то, что писали современники, как революционеры, так и реакционеры, о тогдашнем положении Франции, мы приходим к убеждению, что всякий

республиканец, каковы бы ни были его понятия о собственности, неизбежно должен был прийти к мысли о насильственном займе. Другого выхода не представлялось. Но когда этот вопрос был поднят в Конвенте 20 мая и даже умеренный Камбон высказался за такой заем, жирондисты, тогда еще в силе, напали на защитников займа с невероятной яростью, так что вызвали в заседании Конвента отвратительную сцену.

Все, чего удалось добиться 20 мая, было принятие мысли о займе в принципе. Что же касается до способов приведения ее в исполнение, об этом решили рассуждать впоследствии или никогда, если бы жирондистам удалось послать монтаньяров под гильотину.

Зато в первую же ночь после исключения главных жирондистов из Конвента Парижская коммуна постановила, что декрет, определяющий максимум цен на съестные припасы, будет немедленно приведен в исполнение, что немедленно будет приступлено к вооружению граждан, что принудительный заем будет взыскан и что будет набрана революционная армия, составленная из всех граждан, способных нести оружие, но не допуская до офицерских должностей никого из «бывших» (*ci-devant*), т. е. из бывших дворян, из аристократов.

Конвент, со своей стороны, стал действовать в том же направлении, и 22 июня 1793 г. он обсуждал доклад Реаля, которым определялись основные начала принудительного займа. «Необходимый» доход определен был в 3 тыс. ливров для отца семейства и в 1500 ливров для холостого, и такой доход вполне освобождался от займа. «Обильные» же доходы, свыше «необходимого», вплоть до доходов в 10 тыс. ливров для отцов семейства, несли налог в возрастающей прогрессии. Если же годовой доход превосходил этот предел, он рассматривался уже как «излишний», и весь избыток брался в заем. Этот принцип и был принят; только Конвент в своем декрете от 22 июня повысил цифру необходимого, доведя ее до 6 тыс. ливров для холостых и до 10 тыс. для отцов семейства*.

*Я следую здесь сочинению Рене Штурма (*Stourm R. Les finances de l'ancien regime et la Revolution, v. 1—2. Paris, 1885, v. 2, p. 369 et suiv.*). Прения в Конвенте были очень поучительны. Камбон, когда он внес этот вопрос на обсуждение 29 мая 1793 г., говорил: «Я хотел бы, чтобы Конвент открыл гражданский заем в 1 млрд., который внесли бы богатые и равнодушные... Ты богат, ты держишься воззрению, которые нас вводят в расходы, — так я хочу приковать тебя против твоей воли к революции: я хочу, чтобы ты одолжил свое состояние республике». Марат, Тюрио и Матье поддерживали проект; но он встретил отчаянное сопротивление со стороны жирондистов. Любопытно отметить, что почин и пример такого займа шли из департамента Herault. Камбон упоминает об этом в своей речи. Коммунист Жак Ру (см. дальше) в секции Гравилье советовал заключить такой «заем» уже 9 марта.

Скоро оказалось, однако, что, придавая большое значение принудительному займу и надеясь получить этим путем 1 млрд. ливров, демократия преувеличивала число богатых людей и их богатства. В августе стало ясно, что в сущности заем даст очень немного: менее 200 млн.*; потому 3 сентября Конвент должен был пересмотреть свой декрет 22 июня. Он установил цифру необходимого в 1 тыс. ливров для холостых и в 1500 для женатых с

прибавкой 1 тыс. ливров для каждого члена семейства. На обильные доходы, вплоть до 9 тыс. ливров, налагался прогрессивный налог, возрастающий от десятой части до половины дохода. Доходы же свыше 9 тыс. ливров облагались так, чтобы, каков бы ни был доход богача, ему не оставалось больше 4500 ливров дохода в придачу к сейчас упомянутому необходимому. Это был, впрочем, не постоянный налог, а единовременный принудительный заем, на один только раз, в силу необычайных условий.

*Stourm R. Op. cit., v. 2, p. 372, note.

Поразительно одно, и это доказывает бессилие парламентов. Никогда не существовало правительства, внушавшего более страха подданным, чем Конвент во время II года республики. А между тем закону о займе прямо-таки не повиновались. Богатые не платили. Обходилось взыскание этого налога очень дорого. Но как было взыскивать с богатых, не желавших платить? Описывать и продавать их имущества? Но на это требовался целый новый механизм и притом столько национальных имуществ уже было пущено в продажу! В материальном отношении принудительный заем оказался вполне неудачным. Но так как для более крайних монтаньяров было важно подготовить умы к уравниванию состояний и фактически немного к нему приблизиться, в этом отношении они достигли своей цели.

Позднее, даже после термидорской реакции, Директория, ставшая во главе управления Францией, тоже обращалась к таким же принудительным займам в 1795 и 1799 гг. Мысль о необходимом и об излишке пробивала себе путь. И известно также, что в XIX в., в течение столетия, прожитого Европой после Французской революции, прогрессивный налог вошел в программы демократий всех стран. Он был проведен даже в закон в нескольких государствах, но в несравненно более скромных размерах, таких скромных, что от прогрессивного возрастания налога осталось почти одно только название, один обман.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 26 апреля 2025 18:48:25

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 26 апреля 2025 18:48:42